

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82'06(470)

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19018591>

«ПЕРЕЗВОНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» Б. К. ЗАЙЦЕВА

Баранская Е. М.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: eleni313@mail.ru*

В статье рассматривается литературно-редакторская деятельность Б. К. Зайцева в эмигрантском журнале «Перезвоны», издаваемом в Риге в издательстве «Саламандра» с 1925 по 1929 гг. Литературным отделом «Перезвонов» Б. К. Зайцев заведовал с октября 1925 г., из состава редакции вышел в январе 1927 г. Недолгий период сотрудничества Б. К. Зайцева с журналом позволяет, тем не менее, акцентно представить миссию русского православного писателя в эмиграции: «прививать Святую Русь» западному миру в ее высшем духовном облике. Анализируется подборка литературных произведений, размещенных на страницах тематических номеров, посвященных знаковым явлениям российской культуры в эмиграции, – «Пасхального» (№ 19) и посвящения «Дню Русской Культуры» (№ 20). В частности, выделяются работы кн. П. Долгорукова, И. А. Ильина, К. Притисского, И. С. Шмелева, И. А. Бунина, а также «Легкое бремя» (№ 19) и «Обитель» самого Б. К. Зайцева (№ 20). К исследованию привлечены публицистические работы и рецензии, дневники, мемуарная проза Зайцева разных лет.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев, эмиграция, русское православие, «Святая Русь», литературно-редакторская деятельность, журнал «Перезвоны».

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к творчеству и биографии Б. К. Зайцева занимает прочное место в отечественном литературоведении. Критики и ученые разрабатывают преимущественно вопросы поэтики прозы писателя. О пантеизме Б. Зайцева, его приверженности «стихии» говорили К. И. Чуковский [28] и О. Н. Михайлов [16]; современники и позднейшие исследователи подчеркивали импрессионистическую манеру его письма [14; 16; 28; 13], акварельность красок [16]. В частности, О. Н. Захарова в «Поэтике прозы Б. К. Зайцева» (2014) акцентирует черты неореалистического синтеза, присущие художественному сознанию писателя, выделяя «импрессионистичность, <...> мифопоэтичность, апелляцию к архетипическим праистокам национальной ментальности» [13, с. 4]. О. Н. Михайлов, поддерживавший тесное знакомство с Б. К. Зайцевым, отмечал в его прозе «русское начало», «чистоту лирического голоса, мягкую задушевность» [16, с. 254]. «Умиляющийся художник», «единственный в России “воспевающий” художник» [28, с. 189] – таким Зайцев виделся Чуковскому.

Однако комплекс исследовательских работ, посвященных Б. К. Зайцеву, предоставляет довольно скудную информацию о его литературно-редакторской деятельности. Известно, что в 1922 г. Зайцев был избран председателем Московского отделения Всероссийского союза писателей. В марте 1923 г., в эмиграции, избран вице-председателем берлинского Союза русских писателей и журналистов; сотрудничал в берлинской газете «Дни», пражском журнале «Воля России». С 1927 г. являлся почетным членом литературно-философского общества «Зеленая лампа» (основано Д. Мережковским и З. Гиппиус). Публиковался в журнале «Современные записки», в газете «Последние новости», после – в «Возрождении». Уже в 1940-е гг. сотрудничал с журналами «Грани», «Вестник РСХД», «Мосты», «Новый журнал», газетами «Русская

мысль», «Новое русское слово» и др. А в 1947 г. избран председателем Союза русских писателей и журналистов во Франции и остался на этом посту остался до конца своих дней (Т. Ф. Прокопов) [9, с. 6–30; 23].

В контексте формирования художественного мировоззрения **православного** русского писателя Б. К. Зайцева нас интересует его литературно-редакторская деятельность в рижском журнале «Перезвоны», с которым он начал сотрудничать в 1925 г. Литературные объединения и журналы русского зарубежья уже привлекали внимание исследователей. В частности, обзор русской печати в Латвии 1920–30-х гг. представил создатель Латвийского общества русской культуры Ю. И. Абызов, подчеркнувший усилия Зайцева по привлечению авторов в «Перезвоны» с целью «поддерживать в оторванных от родины русских приобщенность к ее прошлому, к истории, искусству» [1]. Этим же исследователем описано содержание номеров «Перезвонов» в историко-библиографическом очерке «А издавалось это в Риге» (2006) [2]. «Перезвоны» представили интерес для В. П. Крейда (Крейденкова), который, соглашаясь с Г. Струве о популяризаторской тональности некоторых материалов, оспаривает мнение о «провинциальности» журнала, подчеркивает высокий уровень авторского состава, профессионализм журнала, не уступающего «столичным» образцам; более того, «Перезвоны» В. Крейд называет «журналом старших», поскольку в нем сотрудничало «большинство оказавшихся в эмиграции видных прозаиков старшего поколения» [15, с. 200–201]. С. В. Сомова характеризует структуру журнала, его направленность, говорит о «Перезвонах» как о «встрече с родиной для многих представителей “русского Берлина”, “русского Парижа”, “русской Праги”» [25, с. 140]. При этом С. В. Сомова полагает, что «Перезвоны» не были журналом «для семейного чтения» [25, с. 139]. В. П. Крейд, напротив, считает, что журнал задумывался как «еженедельник для семейного чтения в традициях дореволюционного иллюстрированного журнала» [15, с. 200], и, видимо, опирается на характеристику, данную журналу самим Зайцевым: «провинциальный “семейный” журнал, особенно ни на что не претендующий» [11, т. 11, с. 21–22].

Цель статьи – представить литературно-редакторскую деятельность Б. К. Зайцева в журнале «Перезвоны» в контексте его художественно-мировоззренческих установок. **Материалом** исследования послужили избранные номера литературно-художественного журнала «Перезвоны»: №№ 1 (1925), 19 (1926), 20 (1926).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Истина все-таки придет из России. <...> “Святою Русью”»

После революции 1917 г. новый мир писателя Б. К. Зайцева выглядел полюсно: «Хаосу, крови и безобразию противостоит гармония и свет Евангелия, Церкви» [11, т. 4, с. 589]. Б. К. Зайцев эмигрировал в 1922 г. О периоде эмиграции пишет много, пишет болезненно, страдальчески, со свежей раной от минувших потерь и разочарований и с чувством ностальгии по России; пишет просветленно. Вдали от России писатель истинно глубоко начал постигать «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, не увидел бы и никогда» («Молодость – Россия») [11, т. 9, с. 17]. «Святая Русь» Зайцева проникнута православием (как и для многих писателей-эмигрантов, из которых в близкий круг Зайцева входили И. А. Бунин, И. С. Шмелев). Свою писательскую миссию за рубежом Зайцев видел в открытии «Святой Руси» западному миру («своеобразная прививка Западу чудотворенного “глазка” с древа России...») («Ответ Мюллеру». 22.05.1929) [10, с. 646–647]) и просветлению нового русского мира.

Н. А. Струве в статье «Писатель-праведник» называл Б. К. Зайцева «символом для русской эмиграции», «примером честности и правдивости», поскольку «за всю свою полувековую эмигрантскую жизнь Борис Константинович никогда ни на какие общественные компромиссы не шел, не запятнал себя никакими, столь характерными для эмиграции, ненужными выпадами или партийными ссорами <...>. Религиозен Борис Константинович был без надрыва и пафоса, коренно, истово <...>» [26, с. 181]. З. Гиппиус, давая оценку «Преподобному Сергию Радонежскому» Б. Зайцева, говорила о «любовной нежности Зайцева к Сергию» – «святителю русского православия», о «благочестивой памяти о древней Руси» и православии, созданной автором [7, с. 202].

Для Ю. Б. Мандельштама главенствующее в жизни Зайцева то, что отражает «некое таинственное странствие человеческой души в мире» [цит. по: 8, с. 465]. Даже Г. Адамович (несмотря на несколько скептическое отношение к религиозным взглядам писателя¹) в 1960 г. говорил о Зайцеве как о «христианине и притом христианине церковно-послушном, смиренном, без всякого вольномыслия, без умственной гордыни, без поправок к Православию» [цит. по: 8, с. 466]. Такое истолкование личности Б. Зайцева дало возможность П. Грибановскому в 1975 г. определить жизненный путь писателя как «постепенное его воцерковление, постепенное приобщение к богочеловеческому организму Церкви» [8, с. 466].

Жизнь в «изгнании» обратила Зайцева к православию, к древней Руси с ее исконными традициями. В 1925 г. писатель – в ожидании «истины <...> из России»; ждет, что «Святая Русь» придет, «чтобы просветить усталый мир» [11, т. 9, с. 54]. Мысль о России «трагической», «России, терзающей и терзаемой», («Молодость – Россия») [11, т. 9, с. 17] определила все эмигрантское творчество Б. К. Зайцева. Достаточно привести подборку текстов с указанием на предмет авторского интереса только из 7-го тома собрания сочинений Зайцева «Святая Русь», чтобы убедиться в этом: «История русской души», «День русской культуры», «Слово о Родине», «Россия», «Русская слава» – «Дневника писателя». Из «России»:

*«... Старомодное слово. Но все равно. Так называем и будем называть.
Давно ушла она от нас или мы от нее. Но в снах долго сопровождала. Потом сны стали реже <...>
Долгие годы казалось, что каким-то неясным образом, из-за политических перемен, в Россию вернешься. Потом перестало казаться. Теперь не кажется»* [11, т. 7, с. 375].

«Здесь ты “самый последний” и безмерно одинок»

«Художник русский» [8, с. 466] – назвал Б. Зайцева П. Грибановский (декабрь 1975 г.). Г. Адамович, обосновывая само существование духовного творчества в эмиграции, апеллировал к созидательной деятельности таких писателей, как Зайцев, к сострадательности Зайцева к миру: «<...> И грусть, и сострадание обращены у него именно к миру, а не к самому себе. Большею частью обращены к России» [4, с. 449].

Тема России в творчестве Б. Зайцева не просто главная – витальная. В автобиографическом очерке «О себе» (Париж) Зайцев признавался: «Вообще годы

¹ В отзыве 1936 г. на книгу Б. К. Зайцева о Валааме («Валаам, Б. Зайцев») Г. Адамович увидел в ней «гипертрофию нежности и сладости», упрекнул писателя в том, что тот зовет на Валаам лишь «наслаждаться покоем, полюбоваться древней скудостью быта, подумать о вечности. Отдохнуть, одним словом»; и потому «Зайцевский рай – легкий рай» [8, с. 464].

оторванности от России оказались годами особенно тесной с ней связи в писании. За ничтожными исключениями все написанное здесь мною выросло из России, лишь Россией и дышит. <...> Если есть за что-то мне благодарить тут, то – Россию. Если есть чем болеть и страдать, то болезнями, уродствами и искажениями той же России» [11, т. 4, с. 590–591].

О днях революции (России «трагической») Б. Зайцев писал в книге воспоминаний «Далекое»: «Это было очень страшное время – террора, холода, голода и всяческого зверства» (Гл. «Пастернак в революции») [11, т. 6, с. 226]. «Осенью 1922 г. почти все Правление нашего Союза¹ выслали за границу <...>», – вспоминал Зайцев, высказывая признательность Троцкому от лица всех высланных: «Это дало им возможность дожить свои жизни в условиях свободы и культуры» [11, т. 6, с. 230]. Зайцев разделял мнение Г. В. Адамовича о положении русского писателя в эмиграции: «Одиночество и свобода» [11, т. 6, с. 232]. И все же – «одиночество». 11 октября 1925 г. в Париже Б. Зайцев запишет: «Как пусты и пустынные лица! Боже мой, это мои братья, я их не узнаю. Может быть, и у меня здесь такое же лицо? <...> Здесь ты “самый последний” и безмерно *одинок* (курсив мой – *Е. Б.*)» («Странник <Дневник 1925–1929 гг.>») [11, т. 9, с. 48]. Б. Зайцев осознает необходимость выживания в «чужом» западном мире: «Париж насыщен похотью», «высасывает Францию» [11, т. 9, с. 63], – записывает он 24 февраля 1926 г. Уже на третий год в Париже, дыша «воздухом умеренности и свободы», читая о казнях и расстрелах у себя на родине, Зайцев не может простить Парижу помост около русского ресторана, где «отрубают голову», а толпы приезжают в Версаль из Парижа, «чтоб на рассвете “сподобиться”, “улицезреть”» казнь [11, т. 9, с. 62–63] (18 фев. 1926 г.). Земля в эмиграции – «не рай» [11, т. 9, с. 41] (27 сент. 1925 г.).

Воссозданное импрессионистическими мазками эмигрантское «одиночество» проступало едва ли не в каждом художественном произведении, литературном этюде, очерке. Из «Дневника писателя. 1925–1939»; 21 ноября 1925 г., Париж:

«Здесь <...> растапливают щепочками – ligots. На днях среди своих лигошек встретил одну, в белом. Боже мой, береза! Белая кора, с коричневыми черточками, с оторванной, тончайшей кожицей – всегда она трепещет, нежно дрожит в ветерке – Россия. Зачем же Западу береза, это наше древо <...>. Да, береза облик чистоты и скромной непорочности, бедности и суровости. Святая Русь. <...>

Монашенка и девственница, и заступница. Брошу ли тебя в печь, французская сестра? Нет, лежи, спрятанная. Память, вздох, надежда.

Когда-нибудь и на родной земле я обниму твой ствол» [11, т. 9, с. 52–53].

В 1926 г. Б. Зайцев еще верит в возвращение домой, ибо в этом «весь смысл этих “годов странствий”»: «Мы здесь состоим *при* жизни, но не *в* жизни. *В* жизни мы будем лишь дома» [11, т. 9, с. 71] (5 авг. 1926 г.). Но подспудно зрела мысль о невозможности

¹ Идея создания профессионального писательского Союза была предложена М. О. Гершензоном в марте 1917 г. В 1918 г. Союз писателей и был создан и поначалу существовал только как «Московский»; в 1920 г. переименован во «Всероссийский»; функционировал до постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций»; спустя два года реорганизован «в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» [24]. В Москве председателем Союза в 1921 г. был избран Б. Зайцев, вице-председателями стали Н. Бердяев и М. Осоргин. 21 июля Зайцев, Осоргин, Муратов, Дживелегов и др. деятели культуры вступили во Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол), через месяц последовал арест. Зайцева и Муратова освободили через несколько дней. Зайцев уехал в Притыкино, в 1922 г. вернулся в Москву.

возврата, а Париж уже становился отчасти «своим»: «Уж на что улица Фальгьер: как мучила вначале грохотом. Тяжкая улица! <...> И все же улица Фальгьер – отчасти уж моя <...>» [11, т. 9, с. 51]. В 1930 г. Зайцев запишет: «Уже в Париже стало ясно, как далека родина». Надежда, «оправившись за границей», вернется на родину «для жизни, для работы новой – тяжелой, конечно, но нужной» становилась иллюзорной. «На Кресте наша Родина <...>, – писал Зайцев, – распинают ее» [11, т. 11, с. 324–325]. В 1939 г. в мемуарной книге «Прощании с Москвой» снова прозвучит мучительный вопрос: «Удаление из Москвы <...> – временное ли? Или навсегда?» [11, т. 6, с. 154].

В такой ситуации для Зайцева остро стоял вопрос о предназначении русской литературы, которая в эмиграции, по мнению писателя, осознает «тягости отрыва от родины» и вынуждена вести окопную жизнь, «в подземельях» воссоздавать «истории русской духовной культуры и жизни» [11, т. 9, с. 122].

Многим писателям «золотого века» русской литературы довелось пережить разочарование Европой [17; 18], и закономерно, что многим представителям «века серебряного» Европа внушила то же чувство. Однако русская литература XIX в. демонстрирует, что, даже сознавая всю «чуждость» западного мира, а порою и его враждебность, русские авторы стремились «просветить» европейский мир относительно истинной России, донести до западного сознания зерно и суть русской культуры [19, с. 500–537]. В этом отношении Б. К. Зайцев, безусловно, явился продолжателем «золотого века» и настойчиво вырабатывал представление о миссии, которую призвана выполнять русская литература на Западе.

В 1931 г. в «Дневнике писателя» Зайцев, отвечая на статью М. Л. Слонима «Заметки об эмигрантской литературе»¹, поднял вопрос о христианских корнях русской культуры: «Литература эмиграции выросла на почве христианской культуры. Для нее слова: Бог, человек, душа, бессмертие – что-то значат. <...> Божий мир полон, глубок, трагичен, грозен, иногда непонятен, но он не есть пошлость и не есть плоскость» [11, т. 9, с. 121].

«Да, Русь. Да, Мать». Б. К. Зайцев в журнале «Перезвоны»

«Книжка о русском духе» [12] – охарактеризовал Б. Зайцев в 1923 г. журнал «Russia», созданный проф. Этторе Ло Гато. Писателя привлекла сама идея «осведомления» о русской культуре, о духовной жизни русских.

А с 1925 г. по 1929 г. в Риге вышло 43 номера литературно-художественного журнала «Перезвоны». Журнал выходил в издательстве «Саламандра», созданном Н. А. Белоцветовым². Ответственным редактором журнала «Перезвоны» был

¹ М. Л. Слоним разделял мнение Д. П. Святополка-Мирского и М. А. Осоргина о затухании эмигрантской литературы. Противоположной точки зрения придерживались И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, В. Ф. Ходасевич, которые видели в эмигрантской литературе хранительницу традиций русской классики. Слоним выступил с докладом «Конец эмигрантской литературы» на заседании группы «Кочевье» 8 ноября 1931 г. Статья «Заметки об эмигрантской литературе» («Воля России», 1931, № 7–9) прозвучала как приговор всей русской литературной эмиграции.

² Николай Алексеевич Белоцветов (1863, Владимирская губерния – 1935, Рига) – директор-распорядитель страхового общества «Саламандра». После революции 1917 г. уехал в Югославию, впоследствии – в Ригу; центральный офис страхового общества «Саламандра» переместился в Копенгаген. Для своих изданий Н. А. Белоцветов создал акционерное общество печатного дела – «Саламандра». Главной задачей ставилась не прибыль, а просветительская деятельность. С 1924 по 1929 гг. выходила национально-демократическая газета «Слово». С ноября 1925 г. издавался литературно-художественный журнал «Перезвоны» и журнал для юношества «Юный читатель», сборники, посвященные Дню русской культуры, сочинения русских классиков [5]. Ю. И. Абызов относил Н. А. Белоцветова к «наезжим» [3, с. 290] в отличие от «укорененных» русских в Латвии.

С. А. Белоцветов¹. Редакция имела представительства в Эстонии, Литве, Финляндии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Франции, Германии, Турции, Египте, Китае, США. В частности, болгарскую эмиграцию представляли Л. Столица и А. Федоров; О. Далматова – Латвию; Н. Белоцветов – Германию [15]. С октября 1925 г. литературным отделом «Перезвонов» заведовал Б. Зайцев.

Журнал был художественно оформлен: обильно иллюстрирован цветными репродукциями, в каждом номере – цветные вклейки высокого качества. Материалы художественного отдела занимали около трети объема в каждом номере и посвящены Анненкову, Билибину, Васнецову, Верещагину, Добужинскому, Коровину, Куинджи, Кустодиеву, Левитану, Перову, Репину, Серову и др. Примечательно стилизованное цветное оформление обложки: художник М. В. Добужинский (один из основных художников «Перезвонов») изобразил дерево с изогнутым стволом и зелеными ветвями, среди которых – колокола, будто раскачиваемые ветром и издающие звон. На переднем плане – образцы европейской архитектуры, и это дает понять, что дерево растет на чужой почве. Но на общем фоне – русские храмы.

№ 1 вышел 8 ноября 1925 г. С № 1 по № 13 (1825–1826) выходил еженедельно; с № 14 по № 20 (1926) – два раза в месяц; с № 21 по № 41 (1826–1829) – ежемесячно; №№ 42 и 43 (1929) – один раз в два месяца. Соответственны подзаголовки журнала: еженедельный литературно-художественный журнал (1925–1926, №№ 1–14) и литературно-художественный журнал (1926–1929, №№ 15–43). Журнал придерживался сплошной пагинации страниц.

В 1-м номере в обращении редакции заявлена концепция журнала:

«Перезвоны» – орган русского художественного слова и русского искусства и старины: в иллюстрированной части журнала исключительное внимание – систематическому воспроизведению картин русских художников и памятников русской старины; в литературной части – новейшим художественным

¹ Сергей Алексеевич Белоцветов (16 марта 1873, Владимирская губерния – 22 марта 1938, Рига) – редактор и педагог, брат Н. А. Белоцветова. До 1923 г. работал нотариусом в Александровске Екатеринославской губернии (с 1921 – Запорожье). В 1923 г. по вызову брата прибыл в Латвию, работал в газете «Слово» и журнале «Перезвоны». С. А. Белоцветов – номинальный редактор обеих изданий, которые, не выдержав конкуренции с концерном «Сегодня», в конце 1920-х гг. прекратили существование [27]. Впоследствии преподавал Закон Божий в Рижской школе. Был членом Союза русских учителей Латвии [5].

произведениям русских авторов; в специальном *отделе для детей* будет широко использована старая детская литература, так недоступная теперь детям и так необходимая им в условиях эмигрантской жизни.

Перезвоны русской культуры должны звучать в эмиграции!..» («Перезвоны», 1925, № 1) [20, б. с.].

«Отклик в журнале» должны были найти «жизнь эмиграции, жизнь Советской России, мировые события дня, достижения науки и искусства» («Перезвоны», 1925, № 1) [20, б. с.].

Открывался журнал стихотворением Ольги Далматовой «Перезвоны»:

*На чужбине растет дерево...
Не молчит, говорит,
И поет, и звенит перезвонами...
Как слушаешь, – чуду верится:
Где-то светит, горит,
Восковая свеча пред амфонами...

Колокольни, что стражи вечные...
Все глядят в небеса,
То в туманы, то в синь искрометную...
Через дали земли бесконечные,
Медным звоном поют
И плывут голоса...*

*Через горы, долины, леса,
Перезвоны летят перелетные... [20, с. 1].*

Итак, Б. К. Зайцеву было поручено руководство (руководил из Парижа) литературно-художественным отделом журнала. Отделом искусства и старины руководил проф. Н. И. Мишеев, «Детским уголком» – священник о. М. Бурнашев. Художественной частью заведовал худ. ред. А. М. Пранде.

В 1926 г. номера выходили тематические, посвященные как отдельным деятелем культуры, так и явлениям/событиям российской культуры; например, № 5 – древнерусскому зодчеству; № 6 – В. М. Васнецову; № 7/8 – изображениям Богоматери и Св. Младенца в искусстве; № 19 – Пасхальный; № 20 – посвящен «Дню Русской Культуры»¹.

Сотрудниками литературно-художественного журнала «Перезвоны» (в № 20 1926 г., в частности) были: М. А. Алданов, Мих. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт, Н. Г. Бережанский, проф. Н. А. Бердяев, И. А. Бунин, Н. Н. Белоцветов, Ю. Галич, Г. Гребенщиков, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Б. К. Зайцев, Евг. А. Зноско-Боровский, А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, Д. С. Мережковский, С. Р. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. Роцин, Н. А. Тэффи, Л. Столица, И. Сургучев, В. Ф. Ходасевич, А. Черный, Евг. Н. Чириков, Марина Цветаева, И. С. Шмелев, Сем. Юшкевич, А. Федоров. Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, М. Добужинский, А. М. Пранде, Ю. Г. Рыковский и др. [22, б. с.].

¹ Дни русской культуры стали отмечаться русским зарубежьем с 1924 г. ежегодно 26 мая (6 июня), в день рождения А. С. Пушкина. Инициатива исходила от эмигрантов Эстонии. 6 июня 1926 г. в парижской однодневной газете «День русской культуры» Б. Зайцев опубликовал свой очерк «Пушкин». Такие же выпуски были изданы в том году в Белграде, Варне, Двинске [11, т. 11, с. 377].

В 19-м выпуске 1926 г. Б. Зайцев разместил рассказ «Легкое бремя» (с. 571–572), повествующий о русских эмигрантах-артельщиках, которым на «Марселе-товарном», на Страстной неделе, «когда изболелась душа по Родине», довелось «в России побывать», к «пшенице русской, из Одессы», привезенной в Марсель, прикоснуться: «Русская... <...> Наши все обступили... все к зерну тянутся... А кто на колени стал, руки в мешок запускает, гладит... И молчим все. Шапки снимали, только зернышко всё ласкаем, <...> с родной Кубани. <...> Всё что-то глаза утирали» [11, т. 7, с. 244]. Для эмигрантов эта пшеница обернулась «доброй вестью, благою вестью»: «Точно бы и нас вот, вовсе уж заброшенных, нагих и сырых, осенил крылом Ангел Господень, и святое Его перышко на нас упало [11, т. 7, с. 245].

В этом же 19-м выпуске, «Пасхальном», публиковались произведения К. Д. Бальмонта («Острый час»), П. Кожевникова («Просимое чудо» (Эмигрантский рассказ)), А. Ремизова (Из книги «Страды мира»), Е. Чирикова («Невеста»), Н. Бережанского («Вербная неделя» (Историко-этнографический очерк)), В. Никифорова-Волгина («В березовом лесу» (Пасхальный этюд) – посв. Б. Зайцеву, Нарва); Г. Адамовича («Два стихотворения»), А. Черного («Пасха в Гатчине», Париж, март 1926 г.), О. Далматовой («Христос воскрес...»), Л. Столицы («Заплачки»). Рассказ размещался сразу после статьи проф. Н. И. Мишеева «Праздников – Праздник...»: о светлом празднике Пасхи, который есть «Царь дней», «Торжество из торжеств», поскольку «он посвящен радости победы над смертью, единственной и конечной цели всей человеческой культуры!..» [21, с. 571]. Примечательно: настоящий (19-й) номер журнала завершался обращением к читателям от редакции «Перезвонов» по поводу грядущего празднования «Дня русской культуры»:

«<...> Редакция открыла его страницы для русских писателей независимо от политических их устремлений и чаяний, учитывая лишь то, что объединяет всех русских людей, – любовь к родине, ее прошлому, веру в ее будущее, и оставляя на ответственности авторов то, что разъединяет русских людей – детали оценки русской культуры в прошлом, различия в верованиях и взглядах на будущее. День русской культуры да будет днем объединения всех любящих родину...» [21, б. с.]

Следующий (20-й) номер журнала, «выпускаемый по соглашению совместно с “Педагогическим Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей”, задуман как посвящение празднованию “Дня Русской Культуры”» и анонсирован в «увеличенном размере» [21, б. с.]. Номер иллюстрирован тематическими подборками; открывается изображением А. С. Пушкина (с портрета О. А. Кипренского), а далее: Н. Н. Ге «Пушкин в селе Михайловском. (Посещение Пушина)», М. В. Нестеров «Преподобный Сергей благословляет Дмитрия Донского», В. М. Васнецов «Святые земли русской», В. И. Суриков «Боярыня Морозова», мозаичная картина М. В. Ломоносова «Полтавская баталия», «Кремлевские укрепления в XVIII веке» (с картины Фр. Гильфердинга 1787 г.), изображение Спасской башни – со стороны Красной Площади и мн. др.; портреты деятелей русской истории (например, Петра I, Екатерины II). В приложении к журналу – цветные иллюстрации картин: В. Орлов «У стен Кремля», И. И. Шишкин «Рожь», С. А. Виноградов «Усадьба», К. А. Савицкий «Встреча иконы», 4 изображения лаковых шкатулок работы палехского кустика И. Голикова.

Предваряет номер статья кн. Петра Долгорукова «День русской культуры» (Прага, апрель 1926 г.), которая и задает тональность выпуска: «Бережно относиться к Русской культуре во всех ее проявлениях, лелеять ее, приобщать к ней растущее за рубежом

России молодое поколение – обязанность каждого русского беженца» [22, с. 598]. По мысли автора, «весь смысл, вся идеология» и даже оправдание беженства состоит в подготовке «молодежи к работе по воссозданию России» [22, с. 598]. Кн. П. Долгоруков утверждает ценность культурного «прошлого своей родины», настаивает на сохранении самоощущения себя как русского человека, что возможно только при сохранении русской культуры: «<...> Русская культура не только не умирает, но продолжает творить там <...>. И здесь, в беженском распылении, в тяжелых нравственных и экономических условиях русская культура жива и пускает ростки, несмотря на свою оторванность от родной почвы» [22, с. 598].

Тем самым кн. П. Долгоруков в споре о жизнеспособности русской культуры вне русской почвы утверждает ее право на жизнь, поскольку важнейшим признаком нации является именно «культура народа и его язык»: «Культура является более точным и постоянным национальным определителем, чем какие-либо географические границы или государственные образования», а «мощь русской культуры» позволяет надеяться на победу русского народа и русской государственности [22, с. 598].

Далее следует статья проф. И. А. Ильина «О России» (с. 599–605): «Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться <...>. Но о дарах ее; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; что смутно чувствуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине» [22, с. 599].

К. Притисский говорит о миссии русской литературы в судьбе русского народа («Русская литература, как “наказ” русского народа», с. 605–609), исходя из убеждения в том, что «в конечном международном споре» место нации будет определяться не силой, а «качеством духовных ценностей» [22, с. 605], на которых «лежит печать утверждения жизни» на началах любви, добра, простоты [22, с. 605].

И. С. Шмелев представил рассказ «Блаженные (Из “Встреч”» (апрель 1926 г., Ланды) (с. 619–624), в котором звенящей струной звучало прощание «с Россией, с прежней. Многие в ней потоптали и разметали, но прежнего еще оставалось – в России деревенской» [22, с. 619].

«Обитель» Б. К. Зайцева (с. 626–628) воскрешала, являла воочию «образ Сергия (Радонежского – Е. Б.) и образ Матери-России...»:

«Последний раз, на литургии, я встретил ее, Мать и Русь <...>. Она явилась в облике старушки. <...> Она стояла впереди меня, маленькая, в теплой кацавейке, седенькая, с простым и незаметным лицом русским, серыми глазами, аккуратную прической, с тем пронзительно-невыразимым отпечатком и страдания, но и порядка, и покорности в самом страдании – что есть плод выдержки и силы. Стояла больше на коленях. Иногда истово крестилась, земно кланялась, но без надрыва. И спокойно, тесно, тоже аккуратно были у нее прижаты одна к другой подошвы – старенькие, выхоженные, в тех дырах бедности, на какие равнодушно взглянуть трудно.

Да, Русь. Да, Мать» [22, с. 627–628].

Зайцев тщательно подбирал художественные произведения, созвучные духу праздничного номера. На его страницах опубликованы стихотворения К. Д. Бальмонта («В горной долине» (из книги «В раздвинутой дали»), «Колодец»), А. Федорова («Медный всадник», София, 1924 г.), Л. Столицы («Житие преподобного Сергия»),

кн. Ф. Касаткина-Ростовского («Серые птицы»), Д. Мережковского («Плавают лебеди...»), В. Горянского («Крестный ход» (из цикла «Хозяин»)), А. Смирнова («В притворе темном...»). Опубликованы и прозаические произведения И. Лукаша («Дурной арапчонок» – о Пушкине), Г. Гребенщикова («Послание из Америки (Из книги “Алтай – Жемчужина Сибири”)). Нью-Йорк, 1926 г.), А. Ремизова («Неугасимые огни (из книги “Взвихренная Русь”)), Тэффи («Непрощеное дерево»). Размещены заметки С. Завадского («Памяти русского суда»), М. Новикова («Первый русский университет»), Н. И. Мишеева («Село Палех и мастер Голиков»; «Русское искусство»), Н. Анина («Русский театр»).

Еще 20 апреля 1926 г. Б. К. Зайцев писал И. С. Шмелеву с просьбой: «<...> Что-нибудь<удь> ко дню русск<ой> культ<уры> в “Перезвоны” – очень прошу, сейчас же, а то лишь портрет Ваш. Ив<ан> Ал<ексеевич> уже прислал, я даю что-то, Вы необходимы, надо же показать русских писателей к этому дню. <...> 15-го день р<усской> культ<уры> в Риге, а надо еще переслать, № будет большой, и т. п.» [11, т. 11, с. 27]. А уже 27 апреля благодарил: «Дорогой Иван Сергеевич, спасибо за “Блаженных” – мне очень понравилось, и очень подходит к № дня культуры. Уже отправлено в Ригу, вместе с портретом» [11, т. 11, с. 27]. 13 мая 1926 г. (Париж) Зайцев передавал Шмелеву хвалебные отзывы Белоцветова о переданном для публикации «действительно прекрасном рассказе»: «<...> Это будет украшение № “Дня русской культуры”» [11, т. 11, с. 28–29].

Показательно мнение редактора о праздничном номере «Перезвонов»: «Кажется, ко дню культуры подобрались вещи, в один центр бьющие» [11, т. 11, с. 28].

Б. Зайцев проделал огромную работу, собирая в журнал лучшие силы русской литературы, которые, в конечном итоге, и представили характер «Перезвонов» с его особенно проникновенным и ностальгическим духом. Речь идет об Алданове, Амфитеатрове, Арцыбашеве, Бунине, Куприне, Осоргине, Ремизове, Тэффи, Черном, Шмелеве и др. Причем слова из рассказа И. Бунина «Поруганный Спас» (с. 616–617) удивительно перекликались с изображением на обложке журнала: «И несказанно прекрасны очертания церковей над сумраком земли» [22, с. 617]. Влияние личности самого Б. Зайцева на духовную составляющую «Перезвонов» было преобладающим: «Я и не стал политиком, – констатировал писатель уже 23 апреля 1927 г. в письме к И. А. Новикову, – мир, красота и религия, вот что мне ближе всего, “Свет Афонский” и т. п.» [11, т. 11, с. 34]. Зайцев не единожды подчеркивал аполитичность журнала, главенствующую идею русского мира и культуры – русскости.

5 октября 1925 г. Зайцев писал Бунину: «Дорогой друг, “Перезвоны” <...> – иллюстр<ированный> журнал в Риге <...>. Никаких особ<ых> ухищрений, литературный, национальный, без политических статей. Литературным отделом заведую я <...>. Очень прошу поддержать меня, дать что-нибудь<удь> в первый №» [11, т. 11, с. 20–21]. 6 октября 1925 г. Зайцев писал Шмелеву: «<...> Сейчас получил небольшую работу – заведовать ли<тературным> отделом рижского илл<юстрированного> журнала “Перезвоны”. <...> Жур<нал> этот литературный, без политики, со снимками, еженедельный, название без меня устроили, но думаю (уверен), что приличным он будет, провинциальный “семейный” журнал, особенно ни на что не претендующий <...>. Приглашены все т<ак> н<азываемые> “известные” писатели, <...>. Написал, конечно, Бунину, да вообще тут парижский наш круг весь будет. <...> Очень хотелось бы иметь Ваше. Отзовитесь» [11, т. 11, с. 21–22]. 23 октября 1925 г., письмо В. И. Немировичу-Данченко: «<...> Я принял на себя заведование литературным отделом журнала “Перезвоны” – еженедельный журнал с иллюстрациями, без политики <...>. Приглашаем

все видные лит<ературные> силы. Обращаюсь к Вам покорнейшей просьбой прислать что-нибудь» [11, т. 11, с. 23–24].

Подготовка выпусков осложнялась материальными издержками, в том числе и на оплату писательского труда. Так, 5 октября 1925 г. Зайцев сообщал Бунину по поводу гонорара: «1 франк за строку (другим неск<олько> меньше, третьим гораздо меньше). Но Вы понимаете, что это не моя область, и, конечно, Вам надо платить не франк и не два, но тут уж начинается чужбина и условия “эмигрантской печати”» [11, т. 11, с. 21]. И. Шмелеву 6 октября 1925 г. предлагался гонорар «82 сант<има> за строку», при этом длина строки еще не установлена [11, т. 11, с. 21].

В период формирования «Перезвонов» проблематичными были и вопрос сохранения старой орфографии либо введения новой, и вопрос общего идеологического направления журнала. Так, И. Бунин крайне подозрительно отнесся к «Перезвонам» (письмо Б. Зайцеву от 16 октября 1925 г.) из-за вероятности перехода на новую орфографию, категорически им неприемлемую («Но лично у меня это пункт помешательства. <...> Не соглашусь на нее даже за миллион долларов») в силу идеологической подоплеки: «Что же до орфографии, то ее теперь употребляют и не одни большевики и сменовеховцы <...>. На каком основании отказал В. С. Мирову (Миролюбову) дать что-нибудь в сборник – «пишет по новой орфографии» [6, с. 33–34]. Б. Зайцев, уверенный в использовании старой орфографии, обещал, тем не менее, прояснить вопрос у С. А. Белоцветова [6, с. 774] и эмоционально пояснял И. Бунину направление «Перезвонов»: «Белоцветова я знаю лично, это крупнейший делец и такой “буржуй”... – что только З<инаида> Н<иколаевна>, которой я написал сейчас резкое письмо, может думать, что журнал будет “сменовеховский”» [11, т. 11, с. 21].

Примечательно, что концепция русского древа, выраженная иллюстрацией на обложке «Перезвонов», близка размышлениям Б. Зайцева о неизбежном вращении русского человека в чужую землю, но при этом – и сохранении русскости на новой почве. Из цикла «Странник» (1925–1929), 29 октября 1925 г.:

«Да, мы пускаем корни. Этого не станешь отрицать. Похож на кошку, привыкаешь к местности и прирастаешь к ней. Так, затопив печку, в кабинетике, взглянув на рю Фальгьер, вдруг ощутил: и у меня, “безродинного”, все-таки есть угол, и даже некий уголок Парижа стал моим» [11, т. 9, с. 51].

Важно, что в период активной работы в «Перезвонах» Б. Зайцев пристально наблюдал за положением православия в Латвии. 12 октября 1926 г. он отмечает, что в Латвии «серьезно взялись» за православие, «даже серьезнее, чем в России»: «Там упразднено 5% храмов, в Латвии 19% (правосл[авных] церквей)». Он фиксирует, как в «Риге “взрывают”» православную часовню, отбирают архиерейский дом, здания бывших семинарий, в то время как «православной Латвии священников не хватает». Вот еще наблюдения писателя: «В приморской архиерейской даче собираются поселить министра иностранных дел, погостные дома отчуждают административно вопреки решению собственного же суда, русское кладбище продают какому-то спекулянту, который сносит кресты, разрывает могилы и строит на русских костях доходный дом» [11, т. 9, с. 77]. Так чем же отличались современные «передовые» немцы и французы от новой России, оставленной писателем? Для Б. Зайцева очевидно одно: «Великая красота и правда православия нашего времени есть его гонимость – и в России, и в неблагодарных мелких государствах» [11, т. 9, с. 77]. Уже в 1960 г., обращаясь к русским молодым людям, он призывал нести в себе «Человека», чье достоинство есть «вольное следование пути

божью – пути любви, человечности, сострадания» [цит. по: 16, с. 258]. В «Слове о Родине» (1938) («Дневник писателя») писатель говорил о просветленном, пронизательном, очищенном видении облика оставленной вдали России: «Для русского человека есть Россия, духовное существо, мать, святыня <...>» [11, т. 7, с. 327]. Духовным завещанием звучит наставление «словом, жизнью и примером прививать Святую Русь иноземцам» в ее духовном облике, и на просторах России осуществлять ту же миссию, только на родном языке («Уходящие приходящим», 1965) [11, т. 11, с. 338].

В заметке «Восемьдесят ступеней» (1961), которую А. М. Любомудров назвал «квинтэссенцией зайцевского православного мировоззрения» [10, с. 56], Б. К. Зайцев подвел нравственный итог XX в: «Жили, трудились, кто как умел, старались хранить святыни <...>: религию, человечность, свободу. Годы шли. <...> Но про самую жизнь скажу все же прежде: рядом с ужасом есть в ней и свет, и любовь, и тишина. <...> И они исходят из мира высшего» [11, т. 9, с. 373–374].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно недолгая литературно-редакторская деятельность православного русского писателя Б. К. Зайцева в литературно-художественном журнале «Перезвоны» концентрировала в себе идею избраннической миссии русского писателя за рубежом: сохранение памяти о русской духовной жизни, сохранение национальной идентичности русского человека на географически чуждой ему земле, более того – перерождение прагматичного Запада, «европейца пересыщенного», через открытие ему «Святой Руси». В определенной степени работу над «Перезвонами» можно расценивать как редкую для Б. Зайцева – уже на земле эмиграции – попытку открытого противостояния бездуховности западного мира, разрушающего православные церкви и святыни, в частности, в Латвии 1926 г. Можно проследить, как эмиграция формировала мировидение русского писателя: начавшись с личной боли, эмиграция взращивает в нем зрелое размышление о будущем российского государства, сбережении им духовности, эмиграция стимулирует аналитическое сопоставление Запада и России и заставляет с трепетом наблюдать за рождением смиренного и благожелательного «человека духовного» в России, на Родине, способного принести слово Истины Святой православной Руси всему миру – той Истины, о которой, по мысли Б. К. Зайцева, громко говорила вся русская литература «золотого века» и которая столь чужда европейцу.

Список литературы

1. *Абызов Ю. И.* 20 лет русской печати в независимой Латвии // Русские в Латвии: История и современность. – Рига: Б. и. – Вып. 2 / Сост. И. И. Иванов. – Рига: Лад, 1997. – С. 3–33. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvii-2.html>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
2. *Абызов Ю. И.* А издавалось это в Риге 1918–1944: историко-библиографический очерк. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2006. – 413, [1] с.: ил.
3. *Абызов Ю. И.* Латвийская ветвь российской эмиграции // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. – Тарту: Издательство тартуского университета, 1996. – С. 282–309.
4. *Адамович Г.* Борис Зайцев // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5-ти т. – Т. 7. (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – С. 445–457.
5. *Б. и.* Николай Белоцветов // Русские Латвии. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-belotsvetov-senior.html?source=businessmen>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
6. *Бунин И. А.* Из писем к Б. К. и В. А. Зайцевым // И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 33–51.

7. *Гиппиус З. Н.* Борис Зайцев. Преподобный Сергей Радонежский // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений: В 15 т. – Т. 12. Там и здесь: Литературная и политическая публицистика 1920–1927 гг. – М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2011. – С. 201–203.
8. *Грибановский П.* Борис Зайцев о монастырях // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 7. (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – М.: Русская книга, 2000. – С. 458–466.
9. *Зайцев Б. К.* Осенний свет: Повести, рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Ф. Проколова. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
10. *Зайцев Б. К.* Путникам в Россию: Роман, очерки, публицистика / Сост., вступ. ст. и коммент. А. М. Любомудрова. – М.: Сибирская Благозвонница, 2019. – 766 с.
11. *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Русская книга, 1999–2001. – Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. – 544 с.; Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – 624 с.; Т. 6 (доп.). Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. – 555 с.; Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. – 528 с.; Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. – 560 с.; Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. – 384 с.; Т. 11 (доп.). Письма 1923–1971 гг. Статьи. Воспоминания современников. – 509 с.
12. *Зайцев Б. К.* Электронное научное издание Полного собрания сочинений Б. К. Зайцева в оригинальной орфографии / Соболев Н. И., Вяль Е. Н., Солопова А. И., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. и др. – Петрозаводск, 2007. – (Русский яз.). – Режим доступа: <https://philolog.petsu.ru/zaitsev/index.html>. – (Дата обращения: 10.01.2026).
13. *Захарова В. Т.* Поэтика прозы Б. К. Зайцева: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2014. – 166 с.
14. *Колтоновская Е. А.* Поэт для немногих // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. – М.: Русская книга, 2001. – С. 187–195.
15. *Крейд (Крейденов) В. П.* «Перезвоны» (1925–1929) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1 (3). – С. 200–201.
16. *Михайлов О. Н.* Борис Константинович Зайцев // Михайлов О. Н. Литература русского Зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – С. 254–277.
17. *Орехов В. В.* Европейский мираж русской литературы // Русский язык в поликультурном мире: IX Международный симпозиум (8–12 июня 2025 г.). Сб. науч. статей. В 2-х т. Т. II. Симферополь: ИД КФУ, 2025. – С. 119–126.
18. *Орехов В. В.* Европейский фантом в русском литературном сознании // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т. 26 (65). – № 4. – Ч. 2. – С. 127–133.
19. *Орехов В. В.* Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.). – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
20. Перезвоны. – 1925. – № 1.
21. Перезвоны. – 1926. – № 19.
22. Перезвоны. – 1926. – № 20.
23. *Прокопов Т. Ф.* «Вес написанное мною лишь Россией и дышит...». Борис Зайцев в эмиграции // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 2. Улица святого Николая: Повести. Рассказы. – М.: Русская книга, 1999. – С. 3–28.
24. Протесты Всероссийского Союза писателей против цензурного террора (1920–1921 гг.). Публикация А. Блюма / От редакции // Вопросы литературы. – 1994 – № 4. – С. 275–289.
25. *Сомова С. В.* Русская эмиграция на страницах рижского журнала «Перезвоны» // Вестник СамГУ. – 2009. – № 3 (69). – С. 136–142.
26. *Струве Н. А.* Писатель-праведник (1881–1972): Памяти Б. К. Зайцева // Струве Н. А. Православие и культура: Сб. ст. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский путь, 2000. – С. 181–182.
27. *Фейгмане Т.* Сергей Белоцветов // Русские Латвии. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/s-belotsvetov.html>. – (Дата обращения: 13.01.2026).
28. *Чуковский К. И.* Борис Зайцев // Чуковский К. И. От Чехова до наших дней: Литературные портреты, характеристики. – СПб., М.: т-во М. О. Вольф, [1908]. – С. 182–196.

References

1. Abyzov Yu. I. *20 let russkoi pechati v nezavisimoi Latvii* [20 Years of Russian Press in Independent Latvia]. *Russkie v Latvii: Istoriya i sovremennost'*. Riga, issue 2. Comp. I. I. Ivanov. Riga, Lad Publ., 1997, pp. 3–33. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvii-2.html> (accessed: 13.01.2026).
2. Abyzov Yu. I. *A izdavalos' ehto v Rige 1918–1944: istoriko-bibliograficheskiy ocherk* [And this was published in Riga 1918–1944: A historical and bibliographic essay]. Moscow, Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'E» Publ., Russkii put' Publ., 2006. 413, [1] p.
3. Abyzov Yu. I. *Latviiskaya vetv' rossiiskoi eh migratsii* [The Latvian Branch of Russian Emigration]. *Blokovskii sbornik XIII. Russkaya kul'tura KHKH veka: metropoliya i diaspora*. Tartu, Izdatel'stvo tartuskogo universiteta Publ., 1996, pp. 282–309.
4. Adamovich G. *Boris Zaitsev* [Boris Zaitsev]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 7. (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. Pp. 445–457.
5. No name. *Nikolai Belotsvetov* [Nikolai Belotsvetov]. *Russkie Latvii*. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/n-belotsvetov-senior.html?source=businessmen> (accessed: 13.01.2026).
6. Bunin I. A. *Iz pisem k B. K. i V. A. Zaitsevym* [From letters to B. K. and V. A. Zaitsev]. *I. A. Bunin: pro et contra*. Comp. B. V. Averin, D. Riniker, K. V. Stepanov, comment. B. V. Averin, M. N. Virolainen, D. Riniker, bibliography T. M. Dvinyatina, A. Ya. Lapidus. St. Petersburg, RKHGI Publ., 2001. Pp. 33–51. (*Russkii put'*).
7. Gippius Z. N. *Boris Zaitsev. Prepodobnyi Sergii Radonezhskii* [St. Sergius of Radonezh]. Gippius Z. N. *Sobranie sochinenii: V 15 t.* Vol. 12. *Tam i zdes': Literaturnaya i politicheskaya publitsistika 1920 – 1927 gg.* Comp., text preparation by A. N. Nikol'yukin and T. F. Prokopov; Commentary by A. N. Nikol'yukin. Moscow, Izdatel'stvo Dmitrii Sechin Publ., 2011. Pp. 201–203.
8. Gribovskiy P. *Boris Zaitsev o monastyryakh* [Boris Zaitsev about Monasteries]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 7 (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2000. Pp. 458–466.
9. Zaitsev B. K. *Osennii svet: Povesti, rasskazy* [Autumn Light: Stories, Short Stories]. Compiled, introduction and notes by T. F. Prokopov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 544 p.
10. Zaitsev B. K. *Putnikam v Rossiyu: Roman, ocherki, publitsistika* [To Travelers to Russia: Novel, Essays, Journalism]. Compiled, introduction and notes by A. M. Lyubomudrov. Moscow, Sibirskaya Blagozvonnitsa Publ., 2019. 766 p.
11. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Collected Works: In 5 Volumes]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 2. *Ulitsa svyatogo Nikolaya: Povesti. Rasskazy* [St. Nicholas Street: Stories. Short Stories]. 544 p.; Vol. 4. *Puteshestvie Gleba: Avtobiograficheskaya tetralogiya* [Gleb's Journey: An Autobiographical Tetralogy]. 624 p.; Vol. 6 (additional). *Moi sovremenniki: Vospominaniya. Portrety. Memuarnye povesti* [My Contemporaries: Memories. Portraits. Memoir Stories]. 555 p.; Vol. 7 (additional). *Svyataya Rus': Izbrannaya dukhovnaya proza. Knigi stranstvii. Povesti i rasskazy. Dnevnik pisatelya* [Holy Rus': Selected Spiritual Prose. Books of Wanderings. Stories and Short Stories. A Writer's Diary]. 528 p.; Vol. 9 (additional). *Dni. Memuarnye ocherki. Stat'i. Zаметki. Retsenzii* [Days. Memoir Essays. Articles. Notes. Reviews]. 560 p.; Vol. 10 (additional). *Pis'ma 1901–1922 gg. Stat'i. Retsenzii* [Letters 1901–1922. Articles. Reviews]. 384 p.; Vol. 11 (additional). *Pis'ma 1923–1971 gg. Stat'i. Vospominaniya sovremennikov* [Letters 1923–1971. Articles. Memoirs of Contemporaries]. 509 p.
12. Zaitsev B. K. *Ehlektronnoe nauchnoe izdanie Polnogo sobraniya sochinenii B. K. Zaitseva v original'noi orfografii* [Electronic scientific edition of the Complete Works of B. K. Zaitsev in the original spelling]. Sobolev N. I., Vyal E. N., Solopova A. I., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. et al. Petrozavodsk, 2007. (*Russian*). Available from: <https://philolog.petrus.ru/zaitsev/index.html> (accessed: 10.01.2026).
13. Zakharova V. T. *Poetika prozy B. K. Zaitseva: monografiya* [Poetics of B. K. Zaitsev's prose: monograph]. N. Novgorod, Mininskii universitet Publ., 2014. 166 p.
14. Koltonovskaya E. A. *Poet dlya nemnogikh* [Poet for the few]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t.* Vol. 10 (additional). *Pis'ma 1901–1922 gg. Stat'i. Retsenzii*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2001. Pp. 187–195.

15. Kreid (Kreidenkov) V. P. «Perezvony» (1925–1929) [“Perezvony” (1925–1929)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2001, no. 1 (3), pp. 200–201.
16. Mikhailov O. N. *Boris Konstantinovich Zaitsev* [Boris Konstantinovich Zaitsev]. Mikhailov O. N. *Literatura russkogo Zarubezh'ya*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1995. Pp. 254–277.
17. Orehov V. V. *Evropejskij mirazh russkoj literatury* [The European Mirage of Russian Literature]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: IX Mezhdunarodnyj simpozium. Sb. nauch. statej. V 2-h t. T. II*. Simferopol': KFU Publ., 2025, pp. 119–126.
18. Orehov V. V. *Evropejskij fantom v russkom literaturnom soznanii* [The European Phantom in Russian Literary Consciousness]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Serija: Filologija. Social'nye kommunikacii*, 2013, vol. 26 (65), no. 4 (2), pp. 127–133.
19. Orehov V. V. *Russkaja literatura i nacional'nyj imidzh (Imagologicheskij diskurs v russko-francuzskom literaturnom dialoge pervoj poloviny XIX v.)* [Russian literature and national image (Imagological discourse in the Russian-French literary dialogue of the first half of the 19th century)]. Simferopol', Antikva Publ., 2006. 608 p.
20. *Perezvony* [Perezvony], 1925, no. 1.
21. *Perezvony* [Perezvony], 1926, no. 19.
22. *Perezvony* [Perezvony], 1926, no. 20.
23. Prokopov T. F. «*Ves napisannoe mnoyu lish' Rossiei i dyshit...*». *Boris Zaitsev v eh migratsii* [“Everything I've written breathes only Russia...” Boris Zaitsev in Exile]. Zaitsev B. K. *Sobranie sochinenii: V 5 t. Vol. 2. Ulitsa svyatogo Nikolaya: Povesti. Rasskazy*. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999. Pp. 3–28.
24. *Protesty Vserossiiskogo Soyuza pisatelei protiv tsenzurnogo terrora (1920–1921 gg.)*. *Publikatsiya A. Blyuma* [Protests of the All-Russian Writers' Union against Censorship Terror (1920–1921). Publication by A. Blum]. From the editors. *Voprosy literatury*, 1994, no. 4, pp. 275–289.
25. Somova S. V. *Russkaya eh migratsiya na stranitsakh rzhskogo zhurnala «Perezvony»* [Russian emigration on the pages of the Riga magazine «Perezvony»]. *Vestnik SaMGU*, 2009, no. 3 (69), pp. 136–142.
26. Struve N. A. *Pisatel'-pravednik (1881–1972): Pamyati B. K. Zaitseva* [Righteous writer (1881–1972): In memory of B. K. Zaitsev]. Struve N. A. *Pravoslavie i kul'tura: Sb. st.* 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, Russkii put' Publ., 2000. Pp. 181–182.
27. Feigmane T. *Sergei Belotsvetov* [Sergei Belotsvetov]. *Russkie Latvii*. Available from: <https://www.russkije.lv/ru/lib/read/s-belotsvetov.html> (accessed: 13.01.2026).
28. Chukovskiy K. I. *Boris Zaitsev* [Boris Zaitsev]. Chukovskii K. I. *Ot Chekhova do nashikh dnei: Literaturnye portrety, kharakteristiki*. 3rd ed., corrected and supplemented. St. Petersburg, Moscow, T-vo M. O. Vol'f Publ., [1908]. Pp. 182–196.

«CHIMES OF RUSSIAN CULTURE» BY B. ZAITSEV

Баранская Е. М.

This article examines the literary and editorial work of B. K. Zaitsev at the émigré magazine *Perezvony*, published in Riga by Salamandra Publishing House from 1925 to 1929. Zaitsev headed the literary department of *Perezvony* from October 1925 and left the editorial board in January 1927. The short period of Zaitsev's collaboration with the magazine nevertheless allows us to emphasize the mission of the Russian Orthodox writer in emigration: to "inculcate Holy Rus" in the Western world in its highest spiritual guise. The article analyzes a selection of literary works published in the thematic issues dedicated to significant phenomena of Russian culture in exile – "Easter" (No. 19) and dedicated to "Day of Russian Culture" (No. 20). In particular, the works of Prince P. Dolgorukov, Professor I. A. Ilyin, K. Prititsky, I. S. Shmelev, I. A. Bunin, as well as "The Light Burden" (No. 19) and "The Abode" by B. K. Zaitsev himself (No. 20). The study draws on journalistic works and reviews, diaries, and memoirs by B. K. Zaitsev from various years.

Keywords: B. K. Zaitsev, emigration, Russian Orthodoxy, "Holy Rus", literary and editorial work, the magazine "Perezvony".